

Жизненный путь Жан-Поля начался с провинциального французского приюта в городе Гренобль. О его родных родителях ничего не известно, но судя по всему, они не самые лучшие люди. Он знал лишь о том, что его младенцем нашли прохожие на улице.

Почему ему дали такое имя — неизвестно, но он имел на этот счёт некоторые догадки. Назвали его так в приюте. По всей видимости, кому-то из воспитателей нравился известный французский актёр Жан-Поль Бельмондо. Сам же он предпочитал пользоваться лишь именем Жан и всегда так представляется новым знакомым.

Воспитатели приюта считали, что он родился в рубашке. Сначала выжил брошенный родной матерью, потом не погиб от клыков бродячих собак. А ведь те уже примерялись к его детскому тельцу. Одна псина на всю жизнь оставила ему отметину на левой щеке – безобразный шрам в виде звезды. Когда прохожие его нашли, собака вцепилась зубами ему в лицо. Добрые люди оттащили от него животное и тем самым спасли жизнь.

Он же считал, что ему не повезло, ведь этот шрам постоянно доставляет неудобства. В детстве его из-за этого дразнили. Позднее из-за этой отметины с ним не хотели встречаться девушки. Лучше бы прохожие нашли его до того, как им решили перекусить дворняги. Из-за этого он возненавидел собак. Терпеть их не может.

Надолго в приюте он не задержался. Вскоре его усыновила пожилая пара эмигрантов из СССР, точнее, из Одессы. В восьмидесятых железный занавес приоткрылся, и стартовала первая волна эмиграции из этой страны. Семья Кац имела некоторые накопления. Сначала они переехали в Израиль, а затем оттуда во Францию и прикупили домик в Гренобле. Они дали ему свою фамилию Кац, а от отца досталось отчество Моисеевич. Только во Франции отчествами никто не пользуется, так что мало кто из его знакомых знает имя его отца.

Как и любой ребёнок двуязычной семьи, он с раннего детства одинаково хорошо говорил и на французском, и на русском. Так же он прекрасно знаком с культурой родины родителей.

О том, что приёмный, он знал с самого начала. Родители от него этого не скрывали, да и социальные службы не давали об этом забыть. Их представители периодически навещали семью Кац. До определенного времени это его совершенно не беспокоило, поскольку ему достались лучшие родители в мире – так он считал, пока не наступил переходный возраст. Подростковый бунт и переживания привели к обиде на Моисея и Светлану. Он думал, что они его не любят, потому что он им не родной. Как же он тогда заблуждался и после горько жалел об обидных словах, сказанных им.

Родители были уже немолодыми, когда его усыновили. Первым от старости погиб Моисей, который был старше жены на пять лет. Тогда Жан-Полю было семнадцать. Через полгода вслед за мужем отправилась на тот свет Светлана, которая настолько сильно любила супруга, что не вынесла жизни без него и зачахла.

После смерти родителей он осознал, насколько же был глуп и неправ, но было уже поздно.

Одноклассники в школе и все новые знакомые всегда поражались, когда узнавали его фамилию. Слышишь Кац, и представляешь себе невысокого щуплого юношу с тёмной кучерявой шевелюрой. Именно таким был его отец в молодости. Сам же Жан-Поль является олицетворением представления об истинном арийце: высокий, плечистый, с пшеничными волосами, квадратным подбородком и голубыми глазами.

В детстве его таскали в музыкальную школу. Родители считали, что ему светит карьера музыканта, а он ненавидел музыку, потому что и в музыкальной школе ровесники его дразнили

из-за шрама.

Подростком после ссоры с родителями он с радостью бросил музыкалку. Но Моисей и Светлана настаивали на том, чтобы он ходил хотя бы в какую-нибудь секцию. Они умели настоять на своем. Но и парень пошёл в них характером, так что с одной стороны согласился, с другой же поступил вопреки их представлению о хорошем мальчишке, который должен заниматься чем-то интеллигентным. Поэтому он выбрал секцию карате. Ему очень понравилось, ведь там учили правильно бить людей. Эти навыки ему сильно помогли поставить на место всех, кто смел над ним смеяться. А также тренировки развили его тело.

В колледже он начал замечать на себе заинтересованные взгляды девушек, которых не отпугивал его шрам. Но он настолько привык к тому, что девушки его чураются, что опасался предпринимать попытки с ними познакомиться.

Родители оставили ему неплохое наследство. Не миллионы, но доучиться в колледже хватит, чтобы не думать о том, что он будет кушать завтра. Плюс дом в Гренобле, который он сдал в аренду, поскольку учится в Париже.

Жизнь рядом с горами даёт молодым людям разнообразный выбор увлечений: горные лыжи, сноуборд или альпинизм. Пару лет назад Жан-Поль увлёкся альпинизмом. Адреналин позволял отвлечься от плохих мыслей.

Первые два года он ходил в горы вместе с группой студентов. У них всё было по уму: страховка и альпинистское снаряжение. Вначале адреналина хватало, но со временем этого ему оказалось мало. И в этом году он решил заняться более экстремальной разновидностью альпинизма – скалолазанием без страховки. Он считал, что достаточно умел и физически развит для этого.

Сессию он сдал заранее, чтобы второго июня отпраздновать свой двадцатый день рождения в горах. Поскольку других настолько же отбитых на голову альпинистов не нашлось, в поход он отправился в одиночестве. Но простого бесцельного подъёма без страховки ему показалось мало, поэтому он усложнил задачу.

Среди альпинистов ходят слухи, что в Альпах имеется паранормальное место, в котором бесследно пропадают люди. Говорят, что там видели инопланетян. В паранормальщину Жан-Поль не верил, но на это место хотел посмотреть и сфотографировать его, чтобы потом всем тыкать в нос фотографиями и говорить, мол, вот видите – нет там ничего такого.

Весь год в свободное от учёбы время он упорно тренировался в скалолазании и был полностью уверен в своих силах. С собой у него имелся рюкзак с провиантом, палаткой, спальником, пенкой и маленькой газовой горелкой. Всё очень лёгкое, специально предназначенное для альпинистов. Если бы он взял с собой колья и веревки, то рюкзак весил бы в несколько раз тяжелее.

От автобусной станции вначале он передвигался безопасными туристическими тропами. Ни к чему рисковать там, где этого не требуется. Первого июня ко второй половине дня он добрался до спуска к Проклятому ущелью и разбил лагерь, после чего решился на спуск по склону ущелья.

Самое сложное в скалолазании не подъём, а спуск. Но Жан прикинул высоту склона и пришёл к выводу, что до темноты успеет спуститься, передохнуть и подняться наверх. С собой он взял лишь компактный фотоаппарат и фляжку с водой, чтобы попить после спуска. Все остальные вещи остались наверху в лагере.

Первые несколько десятков метров спуска прошли без проблем. Когда же он оказался на середине склона, ущелье начало затягивать туманом. Парень ускорился, желая оказаться внизу до того, как видимость будет ограничена. Но как он ни старался, туман продолжал сгущаться быстрее, чем он спускался. Вскоре он с трудом мог разглядеть, что находится в пяти метрах. На склоне начала конденсироваться влага. В какой-то момент правая ладонь соскользнула с мокрого камня. Жан попытался ухватиться за другой уступ, и у него это почти получилось, но тут соскользнула правая стопа и парень не удержался. Он полетел вниз, не зная, сколько метров осталось до земли. Он постарался сгруппироваться и...

Удар выбил из него дух. Что-то хрустнуло, после чего он больно ударился головой. Его сознание погрузилось во тьму.

Настолько отвратительного пробуждения Жан не мог припомнить. Голова раскалывалась и кружилась, его тошнило, всё тело болело, но больше боли причиняла сломанная левая нога.

Он не сразу смог осмотреться вокруг, а когда сумел, то обомлел и подумал, что ко всему прочему у него ещё и галлюцинации. Вместо ущелья он находился на вершине холма, с которой открывался вид на бескрайний лес. Лишь на холме не росло никаких растений, словно на скальном грунте, хотя земля под ним на вид вполне обычный суглинок.

Он и щипал себя, и закрывал глаза, и тёр их, но ничего не менялось. Его взору представал всё тот же пейзаж: пустынный холм, лес вокруг, голубое небо над головой и... Большое красное светило по центру небосвода, которое размером в два раза превышало Солнце и было на него ничуть не похоже.

- Красное? - широко распахнул он глаза и даже на мгновение позабыл о недугах. - Это как?!

С головокружением он ещё готов был смириться, но никак не с тупой болью в месте перелома, усиливающейся и принимающей характер резкой, пульсирующей при попытке наступить на ногу. Как назло, из вещей у него ничего не осталось. Фляжка, и та раскололась от падения и из неё вытекла вся вода, намочив ему штаны.

- Стоп! - замер он и прекратил попытки встать на ноги. - Солнце в зените? Сейчас? Ведь было ближе к вечеру, когда я упал. Сколько же я провалялся без сознания?

Думать о многогранности мира и паранормальных явлениях не давала боль. И всё же Жан-Поль задумался над вопросом: как и где он очутился? В голову пока приходил один вариант - он попал. Видимо, не зря о проклятом ущелье ходят недобрые слухи. И не все пропавшие там люди погибли в потаённых уголках Альпийских гор. Некоторые из них вполне могли попасть, как и он в... другой мир. На это намекал иной колер светила и незнакомые деревья. Вроде смотришь беглым взором - обычные деревья: коричневые стволы, зелёные кроны. А если приглядеться, то сразу становится заметна их инородность: листва непривычной формы, кора не с такими напыльями.